

Отправив Ку Чи прочь, Сюй Синчжи посмотрел на едва дышащего человека в звериных шкурах, лежащего на земле, и нахмурился:

— Этот тип пришел за мной?

Когда остались только Мэн Чунгуан и Сюй Синчжи, первый тут же принял необычайно простодушный и невинный вид. Заложив руки за спину, он стоял так, словно лежащая у ног грудa мяса не имела к нему ровным счетом никакого отношения:

— ...Да.

Сюй Синчжи всё понял.

Раз так, значит, этот подонок получил по заслугам.

После того как Сюй Синчжи замолчал, Мэн Чунгуан мгновенно стер с лица прежнее выражение, напоминавшее оскал демона, и осторожно, почти робко придвинулся к Сюй Синчжи:

— Старший брат... я не слишком ли погорячился?

Глядя, как этот огромный волк, только что без тени сомнения дробивший чужие кости, в одно мгновение превратился в покорного щенка, Сюй Синчжи почувствовал укол совести.

Мэн Чунгуан был персонажем, созданным его собственной рукой. Когда Сюй Синчжи писал его, он щедрыми мазками наделил его кровожадностью, вспыльчивостью и деспотичным нравом, сделав эти черты самой сутью Мэн Чунгуана.

В конечном счете, виноват был сам Сюй Синчжи, поэтому он не только не боялся его, но и испытывал некое подобие вины.

...Прости, сынок, это ведь я сделал тебя таким.

К тому же, прожив в Диких землях больше десяти лет, Мэн Чунгуан наверняка привык к жизни, где выживает сильнейший. И теперь, когда кто-то вторгся на его территорию, его жестокость была вполне понятна.

Более того, если те люди пришли по его душу, то наверняка хотели использовать его как приманку для Мэн Чунгуана. Попади он к ним в руки, участь его была бы незавидной, и смерть от их рук стала бы самым мягким исходом.

К тому же проявлять милосердие к врагам, которые сами лезут на рожон, — совсем не в стиле Сюй Синчжи. Если судить о жестокости, то вчера он сам не менее хладнокровно прикончил того бритвенного монстра тем же самым кинжалом, которым когда-то собирался убить Мэн Чунгуана.

Однако Сюй Синчжи понимал: прежний владелец тела, воспитавший Мэн Чунгуана, вряд ли

одобрил бы такое поведение.

Сюй Синчжи сделал безразличное лицо и поддел носком сапога лицо человека в шкурах:

— Оставьте его в живых, он мне пригодится.

Затем он невозмутимо зашагал прочь, стараясь держаться от Мэн Чунгуана подальше.

У него за спиной блеск в глазах Мэн Чунгуана померк. Он сжал пальцы в кулаки, а в его взгляде читалось глубокое раскаяние.

...Если бы не этот негодяй, который на глазах у старшего брата осмелился обнять его, он бы ни за что не потерял контроль и не повел себя столь зверски, испортив впечатление, которое он так старательно создавал в глазах старшего брата.

Мэн Чунгуан молча подавил в себе бурю эмоций, посмотрел в небо и снова свистнул.

В ответ на зов с другой стороны бамбуковой рощи появилась Костяная дева.

Она старалась не смотреть на Сюй Синчжи и, опустив голову, подошла к Мэн Чунгуану. Тот прошептал ей несколько слов, она ответила: Слушаюсь, — и, подхватив бесчувственное тело, как какой-то мусор, потащила его в сторону башни.

Все это время она не обменялась с Сюй Синчжи ни единым взглядом.

Сюй Синчжи, проявив деликатность, тоже не стал на нее смотреть, переведя взгляд на лес, где Ку Чи заканчивал разбираться с остатками врагов, и погрузился в свои мысли.

...Сюй Синчжи пока не собирался убивать Мэн Чунгуана, поэтому выживание в Диких землях стало для него первоочередной задачей.

Он хорошо помнил: Мировое знание подсказало ему, что Мэн Чунгуан и его люди планируют сбежать из Диких земель, вернуться в мир живых и отомстить.

Но в Диких землях таких групп, как у Мэн Чунгуана, было немало. Сюй Синчжи не знал, что это за группировки, где они расположены и насколько сильны.

А самое главное — где находится выход из этих земель? Как отсюда выбраться?

Сюй Синчжи прекрасно понимал, что его внезапное появление в Диких землях выглядит подозрительно, и то, что Чжоу Бэйнань счел его лазутчиком, было вполне логично. А то, что Мэн Чунгуан приютил его и доверился ему, скорее всего, объяснялось тем, что старая братская привязанность затуманила его рассудок.

Если он начнет задавать Мэн Чунгуану подобные вопросы, тот может заподозрить неладное, и тогда именно ему придется лежать на земле, пока его позвоночник будут дробить по кусочкам.

Словом, Сюй Синчжи был нужен надежный источник информации.

И тот, что только что подвернулся под руку, хоть и вызывал вопросы, всё же был лучше, чем ничего.

Костяная дева ушла, и Мэн Чунгуан снова вернулся к Сюй Синчжи, кротко спросив:

— Этот лес посадил я. Старший брат, он кажется тебе знакомым?

...Честно говоря, если взглядеться, Сюй Синчжи действительно находил его знакомым. В обрывках памяти прежнего владельца тела, кажется, и вправду существовал такой же ярко-красный лес из секвой.

Этот лес словно коснулся какой-то скрытой точки в сознании Сюй Синчжи, и фрагмент воспоминания, который раньше был не больше медной монеты, с каждой секундой становился всё отчетливее и яснее.

Внезапно на него нахлынуло сильное головокружение, на мгновение парализовавшее все чувства. Сюй Синчжи пошатнулся и начал заваливаться назад. В полубытьи он услышал, как кто-то в панике зовет его: Старший брат, — снова и снова.

Словно доска, всплывшая из глубин океана, цельная картина возникла в его сознании.

Это был первый раз, когда он получил столь полное воспоминание из осколков памяти прежнего владельца.

Поздняя осень в лесу секвой, где горы, словно пропитанные густым соком спелой хурмы, окрасились в багрянец.

Горная гряда Линцю тянулась вдаль, напоминая изящные брови красавицы.

Там, где облака сливались с горизонтом, а воды реки терялись у берегов, маленький мальчик сидел на синем камне у истока ручья и омывал ноги. Он был одет в небрежно сплетенное из тростника одеяние, а в руках держал плод с кулак размером, необычного цвета, и грыз его, словно самую обычную дикую ягоду.

В воздухе пронеслась волна духовной энергии, но мальчик даже не шелохнулся, продолжая углубленно жевать.

Налетел ветер, и перед ним, оседлав магические артефакты, опустились двое послушников секты Интяньчуань.

Одежды учеников Интяньчуань были однотипными, их легко было узнать: темно-синяя ткань с вышитыми золотом облаками на плечах — роскошь и величие в каждой детали.

Определить, что это были младшие ученики, можно было по их оружию: в руках они держали копья из белого дуба, в отличие от старших, владевших стальными копьями, выкованными из костей демонических зверей.

Увидев мальчика, оба нахмурились. Один из них, повыше, указал на него острием копья и бесцеремонно спросил:

— Откуда у тебя плод Фуюй?

Мальчик вытер сок с уголка рта и указал на запад.

Второй, пониже, пробормотал с сомнением:

— В горах Линцю обитает чудовище по имени Юн, и плоды Фуюй — его любимое лакомство. Плоды созревают раз в пять лет, и их меньше сотни. Юн бережет их как зеницу ока, и если кто посмеет посягнуть на них, Юн выпьет всю кровь и влагу из тела вора, не успокоится, пока не убьет. ...Кто ты такой, что смог отобрать у Юна еду?

Мальчик не спеша откусил кусочек плода и пробормотал с набитым ртом:

— Я хотел есть. Оно не дало, я и отобрал.

Высокий оглядел мальчика. Тот выглядел изящным, словно девочка, но в нем не чувствовалось ни капли духовной энергии — обычный ребенок. В его голосе зазвучало презрение:

— Ха, ну и самомнение.

Низкий толкнул его в бок, указывая на ноги мальчика. Высокий присмотрелся и невольно охнул.

Пять-шесть плодов Фуюй, нанизанных на лиану, были обмотаны вокруг щиколотки мальчика и покачивались при каждом движении, вызывая у обоих жгучую зависть.

Видя это, высокий тут же смягчил тон:

— Юный господин?

Мальчик лишь мельком взглянул на них и продолжил жевать косточку, тщательно слизывая остатки сочной мякоти.

Высокому не хотелось унижаться перед этим странным ребенком, возникшим из ниоткуда, но, оценив ситуацию, он подавил гнев:

— ...Господин, мы ученики секты Интяньчуань. Слышали ли вы о названии Интяньчуань?

Мальчик промолчал.

Низкий подхватил разговор, сложив руки с копьём в приветственном жесте:

— В мире существует четыре школы совершенствования, и наша Интяньчуань — одна из них. Каждые два года мы проводим обряд жертвоприношения Дунхуану, для которого нужны подношения. Позже это превратилось в соревнование между школами. Если принесешь больше всех даров, станешь жрецом, совершающим обряд. А если младший ученик поднесет редкий

дар, у него появится шанс войти во внутренний круг и стать учеником мастера...

Он указал на плоды Фуюй на ноге мальчика, не скрывая жадности:

— В горах Линцю есть эти плоды, но у нас недостаточно сил, чтобы войти на территорию Юна. Юный господин, не мог бы ты поделиться с нами хотя бы одним?

Мальчик поднял ногу, один плод соскользнул с лианы прямо ему в ладонь. Он протер его и детским голосом сказал:

— Эти плоды не так вкусны, как говорят. Но я вам их не дам.

Оба нахмурились:

— Почему?

— Вы мне не нравитесь. — Мальчик откусил кусочек, его голос звучал чисто, с примесью детской невинности и дерзости. — Я вырос в глубоких горах и мало знаю о правилах, но одно я понимаю: если вы действительно о чем-то просите, то должны просить на коленях, а не стоять передо мной вот так.

Лица обоих изменились.

— Не ценишь доброго отношения!

Мальчик перестал обращать на них внимание, спрыгнул с камня и пошел по воде.

В то же мгновение сверкнуло острое копьё, и с резким звоном оно преградило ему путь прямо у горла.

Даже под угрозой смерти мальчик ничуть не испугался. Его прекрасные, похожие на персиковые цветы глаза окинули их с долей презрения:

— Это мои плоды, и я не хочу отдавать их вам.

Высокий, преградивший путь, не слушал его и приказал напарнику:

— Иди, заberi плоды.

Низкий наклонился, собираясь сорвать их.

Мальчик усмехнулся, складывая пальцы в мудру.

В уголках его глаз мелькнул красный свет, а киноварная точка на лбу начала пульсировать.

Из-под земли послышался шорох, словно тысячи змей копошились в глубине, и почва под ногами затряслась — казалось, вот-вот из нее вырвется какое-то чудовище.

Низкий пошатнулся, вонзил копьё в землю, чтобы удержать равновесие, и в панике закричал:

— ...Это пришел Юн?!

Высокий стиснул зубы:

— Быстрее! Забирай плоды, и уходим!

Низкий протянул руку, но в этот момент в воздухе раздался свист, и трехдюймовый летящий нож, объятый огнем, прорезал пространство, пригвоздив рукав низкого к ближайшей секвойе!

Мальчик замер, его пальцы разошлись, и красный свет в глазах и на лбу погас. Он огляделся, ища владельца ножа.

Низкий, пригвожденный к дереву, в ужасе пытался сбить пламя с рукава, а высокий тут же развернул копьё, направив его в пустоту:

— Кто?! Какой ублю...

Он не успел закончить, как еще один нож пригвоздил его рукав к другой секвойе. Его копьё со звоном упало в горный ручей рядом с мальчиком.

Оба пытались вырваться, но духовная энергия, словно невидимые нити, намертво вшила их рукава в кору дерева — они даже не могли разорвать ткань.

Высокий, дрожа от страха, крикнул:

— Кто здесь?!

Спустя долгое время из верхушек густого леса раздался насмешливый голос:

— ...Я ваша совесть. Вы так давно со мной не разговаривали, мне очень грустно.

Высокий, потеряв остатки самообладания, выругался:

— Кто там строит из себя призрака? Выходи, если смелый! Хватит пакостить!

Прежде чем незнакомец успел показаться, десятки сверкающих летящих ножей вылетели из леса, вонзившись в дерево и очертив силуэты обоих учеников.

Пока те дрожали от страха, из леса, позвякивая, спустилась белая фигура.

Человек был с пустыми руками, в белоснежных одеждах, с черной шапочкой на голове, а длинные волосы были собраны простой голубой лентой. Он легко опустился на камни у ручья. На его запястье был привязан шестигранный колокольчик — именно он издавал тот мелодичный звон.

Ученики, узнав вошедшего, перепугались еще больше:

— ...Старший брат Сюй?

Мальчик с любопытством смотрел на молодого красивого юношу.

Тот, кого называли старшим братом Сюем, не спеша подошел к ручью, протянул правую руку, и лезвия, пригвоздившие братьев к деревьям, послушно вернулись к нему в ладонь. Они слились воедино, превращаясь в веер с бамбуковыми спицами.

Он раскрыл веер, слегка махнул им и улыбнулся.

Любопытство в глазах мальчика лишь усилилось.

Ученики упали на землю, их одежда была порвана, лица — бледнее смерти.

Низкий прикрыл рукой обожженный край рукава и начал оправдываться:

— Старший брат Сюй, не поймите неправильно, мы просто увидели у этого ребенка плоды и хотели попросить...

Юноша подошел к мальчику и, опустив взгляд, заметил плоды Фуюй, небрежно нанизанные на лиану.

Возможно, юноша был настолько красив, что мальчик невольно смутился и спрятал ногу за спину.

Увидев, как грубо были нанизаны редкие плоды, юноша приподнял бровь. Он бесцеремонно погладил мальчика по мягким волосам и спросил учеников:

— Спрашиваю вас: этот ребенок — Юн?

Мальчик дернул уголок губ, сдерживая неловкость от того, что его трогают за голову, и даже не шелохнулся.

Ученики не смели дышать.

Юноша терпеливо повторил:

— Я вас спрашиваю, это Юн?

Высокий прошептал:

— Нет...

Юноша слегка взмахнул полой халата, отошел от мальчика и, перейдя ручей, подошел к ученикам. Наклонившись, он спросил:

— Если это не Юн, зачем вы у него их просили? Если вещь уже в руках у человека, она принадлежит ему. А вы что сделали? Наставили на горло копье? Скажите мне, это просьба или грабеж?

Низкий едва не плакал:

— Грабеж...

Лицо юноши стало суровым. Он сложил веер и легонько стукнул им обоих по головам:

— Грабеж... грабят чужое! Совсем страх потеряли? Чжоу Бэйнань вас этому учил?

Закончив отчитывать их, юноша пнул высокого под зад:

— Извинитесь и убирайтесь. В этом году вы дисквалифицированы, приходите через два года на следующее жертвоприношение.

Ученики, покрытые холодным потом, бледные, как бумага, пали на колени:

— Спасибо, старший брат Сюй! Просим, не говорите старшему брату Чжоу, иначе нас выгонят из Интяньчуань...

Юноша не удержался от усмешки:

— Выгонят? Если Чжоу Бэйнань узнает, что вы попались мне, еще вопрос, не вышибет ли он вам мозги.

Ученики задрожали:

— ...

Вдоволь поиздевавшись, Сюй Синчжи позволил им извиниться перед мальчиком. Не получив разрешения уйти, они опустили головы, не смея пошевелиться, а мальчик во все глаза смотрел на Сюй Синчжи.

Сюй Синчжи спросил:

— Ну что, простишь их?

Мальчик даже не взглянул на них, он послушно кивнул Сюй Синчжи:

— Да!

Сюй Синчжи схватил обоих за шиворот и подтолкнул вперед:

— Валите, валите, не позорьте мою школу.

Получив приказ, они оседлали артефакты и умчались прочь быстрее зайцев.

Сюй Синчжи собрался уходить, но почувствовал, как маленькая ручка ухватилась за край его

одежды.

Мальчик, встав на цыпочки, попытался протянуть ему плод Фууй.

— Мне это не нужно.

— Жертвоприношение Дунхуану. Не надо? — Мальчик хлопал глазами, пытаясь уговорить его.

— ...Они оба хотели. Подарю тебе.

Сюй Синчжи с улыбкой нажал веером на маленькую ручку мальчика:

— Они участвуют в соревновании, а я нет. Я — распорядитель на этом празднике.

Мальчик не понял, но крепче вцепился в одежду, ожидая объяснений.

Делать было нечего, Сюй Синчжи проверил жемчужную цепочку на шее, убедился, что с ней всё в порядке, и прыгнул на тот самый синий камень, где сидел мальчик, похлопав рядом с собой.

Мальчик перешел ручей и сел рядом, прижимаясь к нему.

Сюй Синчжи сказал:

— Ты совсем не боишься чужих.

Мальчик смело потянулся к жемчужинам на шее Сюй Синчжи, но тот перехватил его руку.

Поток духовной энергии бесшумно проник в тело мальчика через меридианы, но тот оставался невозмутимым, позволяя энергии Сюй Синчжи свободно циркулировать, ничуть не опасаясь.

Сюй Синчжи удивленно воскликнул:

— А у тебя, оказывается, есть духовный корень.

Мальчик широко открыл глаза:

— Что такое духовный корень?

Сюй Синчжи объяснил:

— Тем, кто ищет путь бессмертия, нужны и талант, и понимание, и усердие. Твой корень очень неплох. Малыш, а где твои родители?

Мальчик опустил голову, глядя на свои ноги:

— Нету.

Сюй Синчжи замер, а затем мягко сказал:

— Ничего страшного, у меня тоже нет.

Мальчик спрятал голову еще глубже:

— Я с рождения их не видел.

— ...У меня так же, — легко ответил Сюй Синчжи. — У меня был только брат. Если бы мой наставник Цинцзин-цзюнь не взял меня в ученики, я бы, наверное, до сих пор на улице с бандой хулиганов территорию делил.

Сказав это, Сюй Синчжи по привычке раскрыл веер, чтобы обмахнуться, но мальчик вдруг взял его за руку и с сочувствием погладил.

Видимо, желая утешить Сюй Синчжи, он снова протянул ему плод Фууй:

— Плод. Тебе.

Сюй Синчжи рассмеялся и снова отодвинул плод:

— Когда я впервые попал в Линцю, я украл два плода. Один съел украдкой. Сочно, но много волокон, зубы сводит, невкусно.

Мальчик энергично закивал, спрятал плод, который Сюй Синчжи назвал невкусным, и задал вопрос:

— Ты сказал, распорядитель — это кто?

Сюй Синчжи терпеливо ответил:

— Четыре школы совершенствования каждые два года проводят великое жертвоприношение Дунхуану...

<http://bllate.org/book/22484/2370467>